

К. А. Джингозян

Пейо Яворов и армяне

Пейо Крачолов Яворов— выдающийся представитель болгарской литературы конца XIX — начала XX вв. Его талантливому перу принадлежат произведения, проникнутые реалистическим духом: лирика, драмы, очерки, статьи. Воплотив в своей поэзии лучшие традиции национальной литературы, Яворов с высоким искусством отразил существеннейшие стороны социально-политических явлений эпохи. Великая скорбь и горе армянского народа конца века также нашли в нем вдохновенного певца, и тем самым Яворов завоевал горячую любовь и уважение нашего народа.

О Яворове писалось много. Желтая пресса прошлого не жалела сил, чтобы принизить общечеловеческие достоинства творчества великого поэта, предать забвению светлую память гуманиста, боровшегося за дружбу и освобождение народов.

В годы народной власти стали появляться многочисленные монографии, воспоминания, статьи и даже художественные произведения о Яворове. Наиболее ценным исследованием является недавно изданная Болгарской Академией наук в Софии «Летопись жизни и деятельности П. К. Яворова». Этот капитальный труд принадлежит перу известного литературоведа Ганки Найденовой-Стоиловой. Целый ряд документов, писем, воспоминаний и различных сведений, впервые представленных в летописи вниманию читателей, по-новому освещает многие вопросы, связанные с мятежной жизнью и творческой биографией великого поэта.

Армянская печать по различным поводам также обращалась к жизни и деятельности автора знаменитого стихотворения «Армяне». В этих статьях содержатся сведения о связях Яворова с армянами, о времени написания стихотворения «Армяне», а также о месте и значении этого стихотворения в поэзии Яворова.

Это великолепное стихотворение, художественно отразившее одну из самых мрачных страниц истории армянского народа 90-х годов прошлого века, давно привлекло внимание армянской общественности.

«Армяне» впервые переведены с оригинала известным юристом и публицистом болгарским армянином Ст. Хиндяном. Этот первый перевод опубликован в 1909 г. в издававшемся в то время в Константинополе под редакцией В. Текеяна журнале «Ширак». В номере Софийского еженедельника «Айастан» от 18 апреля 1915 г. опубликован вольный перевод стихотворения. Константинопольский журнал «Шант» в номере от 16 ноября 1918 г. перепечатал перевод Ст. Хиндяна, указав в примечании, что «это скорбное стихотворение написано в 1896 г., когда армя-

не-беженцы нашли приют в Болгарии». Та же дата указана в альманахе «Аменун Тарецуйц» Теодика (1926 г.) в связи с опубликованием нового перевода «Армян». С той же датой встречаемся в издающейся в Болгарии армянской газете «Парос» в номере от 4 ноября 1933 г. и многочисленных последующих публикациях. В сентябрьском номере журнала «Советакан Айастан» за 1959 г. опубликована статья М. Терзян «Болгарская литература в армянских переводах». О стихотворении Яворова «Армяне» автор пишет: «Это стихотворение, одинаково близкое как армянам, так и болгарам, написано в 1896 году». Как видим, эта предполагаемая дата полвека упорно не сходит со страниц печати.

В архиве Яворова хранится счетная книга отца великого поэта — Тотью Крачолова, где сказано: «В первом часу 1 января 1878 г. родился Пейю». Запись сделана, конечно, по старому стилю. Следовательно, по новому стилю это 13 января, что и принято считать датой рождения Пейю Яворова. Будущий поэт детство и отрочество проводит в родном городе Чирпане, являвшемся одним из центров освободительной борьбы болгарского народа. Это было время, когда после объединения северной и южной Болгарии в 1885 г. нашли широкое распространение революционные настроения, порожденные освободительной борьбой против векового турецкого ярма. Вскоре, однако, начинается процесс обогащения национальной буржуазии за счет разорения крестьянства и мелких собственников. Обостряются классовые противоречия, и на политической арене появляются новые социальные группировки. Отец Яворова находился в эти годы в ряду активных борцов за демократические права, в ряду борцов против буржуазии. Заботливое воспитание образованной матери, а также страстный характер отца-патриота сыграли решающую роль в формировании демократических взглядов юного Пейю.

В 1891 году Яворов оканчивает Чирпанскую прогимназию и отец отправляет его для продолжения образования в Пловдивскую гимназию. Проф. М. Арнаудов пишет в своих воспоминаниях, что, прибыв в Пловдив, Яворов поселился в доме армянки по имени Сима. Спустя некоторое время, он переселяется в населенный армянами квартал, именуемый «Хаджи Гасан махала», на квартиру Анник Токазян. То, что Яворов поселился у армян, не было, конечно, случайным. В Чирпане и его окрестностях в то время проживало много армянских семейств ремесленников и торговцев, с которыми отец поэта находился в общении. Возможно, что при их посредничестве и по рекомендации отца юный Яворов поселился у армян. Этот факт говорит о том, что родители поэта также не были безразличны к армянам, поскольку своего несовершеннолетнего сына доверили их заботам. Национально-освободительная борьба армян нашла широкий отклик в Болгарии. Проникнутая социалистическими настроениями молодежь — а Яворов был членом одной из студенческих революционных групп — призывала протянуть руку братской помощи обездоленному армянскому народу.

От друзей, посещавших дом Токазянов, Яворов узнавал ужасающие подробности резни и мук, которые приходилось претерпевать армянам в

Турции. В душе поэта поднималась волна справедливого гнева. В этот период Яворов преисполнен идеями македонского освободительного движения.

В гимназии Яворов с увлечением читает лучшие произведения болгарской, русской и европейской литературы. Постепенно формируются эстетические вкусы молодого поэта. Его первые творческие дерзания свидетельствуют о том, что поэт притягивается к живительным источникам национальной литературы. Вскоре, однако, восторженность поэта должна была смениться горьким разочарованием. Лишившись материальных средств, вынужденный отказаться от мечты продолжать учебу, Яворов возвращается домой. Надо было помочь разорившемуся отцу. Он устраивается на работу служащим телеграфа на станции Скобелово. Как вспоминает проф. М. Арнаудов, начальником станции был в это время армянин-инженер Барунак Григорян. На станции и в окрестностях жили семьи армян-ремесленников и торговцев. Большая часть служащих станции и телеграфа также была армянского происхождения. Естественно, что многолетняя совместная работа сблизила Яворова с армянами. Это было хорошим поводом к ознакомлению с прошлым и настоящим армянского народа.

В 1896 г. в Турции истребление армян приобретает огромные масштабы. Из Тырново-Сеймена через станцию Скобелово в глубь страны устремляются караваны армян, спасшихся от резни. Часть беженцев обосновывалась на станции и в ее окрестностях. Именно здесь перед Яворовым впервые предстал облик народа-мученика. Интерес к армянам перерастает в чувство любви и горячей симпатии.

В эти годы (1896—1899) Яворов активно участвует в политической жизни. Он организует в Чирпане социал-демократическую группу и избирается ее секретарем. Параллельно со службой упорно занимается самообразованием. Книги по вопросам социализма становятся его неразлучными друзьями. Богатый жизненный опыт обостряет политическое чутье поэта, и он все более и более ощущает тяжкую долю трудящегося. Жизнь становится единственным вдохновителем лиры Яворова. Всей силой своей поэзии Яворов откликается на освободительную борьбу Македонии, крестьянские движения в стране, антинародные притязания буржуазного правительства (стихотворения «У тюремной стены», «На ниве», «Родосским ссыльным», «Весна», «Буйная молодость» и др.). Лирические произведения Яворова этого периода отличаются глубокой идейностью и совершенством поэтического мастерства. Здесь и горячая народность П. Славейкова, и эпическое дыхание Вазова, и, больше всего, революционный пафос Ботева.

В начале 1899 г. Яворов назначается начальником телеграфа станции Стралджа. И сюда докатилась волна переселенцев. Правдивую картину жизни армян-беженцев рисует в воспоминаниях о Яворове один из его друзей Т. Хаджидимитрова: «Грязные, оборванные, с растрескавшимися губами и провалившимися щеками, с горящими глазами они выстроились в ряд от склада до вагонов. У армян не было крова. Южнее

станции они лепили глинобитные хижины, окруженные сломанными досками, а сверху покрытые привезенным с болота камышом и ржавой жестью от керосиновых бидонов. Внутри вместо постелей на полу был расстелен болотный ил».

В 1936 г. в софийской газете «Дыга» («Радуга»), № 131 была опубликована статья С. Г. Кёсева «Как Яворов стал революционером». В дни, когда Яворов служил в Стралдже, Кёсев был ближайшим другом поэта. Внимание и симпатия к армянам, проявленные Яворовым, передались и Кёсеvu, и они вдвоем посещают бараки армян-беженцев.

«Я с удивлением услышал в этой исповеди,— пишет Кёсев,— что они не могут успокоиться не только в свободные от работы часы, но и ночью не могут спать, поскольку их мучат кошмары и галлюцинации пережитых событий. Некоторые рассказывали о том, как на их глазах убивали детей и жен».

Трагедия армян становится личным горем поэта. Все теснее становится его духовная близость с армянами. Он все чаще и чаще встречается с ними, проводит время за одним столом, ведет интимные беседы...

Г. Димчев в своих воспоминаниях рассказывает об интересном случае, характеризующем теплое, гуманное отношение поэта. Случай этот имел место зимой 1899 г. в Стралдже.

«В кабаке, расположенном недалеко от телеграфной конторы, каждый вечер собирались армяне и пили. Зимой я и начальник станции Крачолов (Яворов — К. Дж.) часто ходили туда,— рассказывает Димчев. — Среди армян был глухой старик по имени Арто. Как-то один из торговцев оскорбил его. Старый армянин набросился на торговца подобно разъяренному тигру. Завязалась драка. С трудом удалось нам разнять дерущихся. После этого Арто долго оставался за столом один, плакал и непонятным для нас языком рассказывал о своей горестной судьбе. Когда кабак должны были уже закрыть, Арто поднялся. Крачолов вместе с нашим счетом молча оплатил и его счет».

Однако Яворов этим не удовлетворился. На следующий день он разыскал Арто и попытался проникнуть в его горе. Потрясенный до глубины души рассказом старика, Яворов сообщает Димчеву, что все родные Арто были вырезаны. Нет сомнений, что эти случаи не только находили отклик в чутком сердце поэта-лирика, но и отражались в его общественно-политической деятельности. В упомянутой уже статье Кёсева говорится, что «армяне сыграли большую роль в том, что Яворов стал революционером».

Реакционные круги пристально следили за деятельностью Яворова и пытались ей противодействовать. Богатые купцы Стралджи, подверженные националистическому угару, особенно возмущались близостью Яворова с армянами и всячески старались под благовидным предлогом удалить поэта из Стралджи. «Скажи ему,— передают они товарищу поэта Кёсеvu,— что мы не простим его общения с этими армянами и будем настаивать на его увольнении. Он позорит нас перед этими чужестранцами».

К сожалению, этим мракобесам удалось привести в исполнение свои намерения. Ошибаются некоторые исследователи, предполагая, что Яворов тяготился однообразием жизни в Стралдже и сам просил перевести его на другую работу. Эти предположения опровергаются свидетельствами Кёсева, ближе всех стоящего к поэту. Кёсев рассказывает, что и после угроз со стороны купечества «он продолжал искать встреч с армянами, пока его не перевели в Анхиало, куда он уехал к радости купцов», — заканчивает Кёсев свои воспоминания о Яворове в Стралдже.

Яворов прибыл в Анхиало 1 июля 1899 г. Вплоть до этого года мы не встречаем никаких упоминаний о стихотворении «Армяне». Нам представляется непонятным, на чем основывается автор статьи о Яворове в болгарской армянской газете «Парос» от 4 ноября 1933 г., утверждавший, что «Армяне» написаны в 1896 г., причем «эти стихи написаны на страничке меню, в сельской столовой, в минуту вдохновения». По-видимому, он пользовался недостаточно проверенными источниками.

В Анхиало Яворов оказался в более благоприятных условиях. В этом маленьком городке на побережье Черного моря поэт успешно работает творчески. Именно здесь, в ряду других стихотворений, Яворов создает и «Армян».

В летописи, посвященной его жизни и деятельности, указывается, что в «1899 г. 7 декабря Яворов написал стихотворение «Армяне»».

Это краткое упоминание сопровождается в книге воспоминаниями друга Яворова, известного социалиста Д. Д. Гандева, который 24 декабря приезжает в Анхиало, чтобы встретиться с Яворовым. «Я прибыл в Анхиало в 1899 г.: накануне Рождества. Мы всю ночь не спали, — рассказывает Гандев. — Беседовали с Пейо о волнующих нас вопросах. А это были большей частью вопросы социализма. Тогда же он прочел мне стихотворение «Армяне», только что написанное им и еще не опубликованное».

Может ввести в заблуждение выражение «Накануне Рождества 1899 г.», однако, точно зная, что Яворов выехал из Стралджи летом 1899 г., а Гандев прибыл в Анхиало 24 декабря того же года, мы можем предположить, что речь идет о праздновании нового, 1900-го года.

Уже в первых строках «Армян» поэт выражает горячую любовь к народу, «чей жертвенный подвиг безмерно велик». Родина беженцев — «тревожная рабыня», чьи сыны преследовались повсюду. Над ними поднят «кровавый меч». И сейчас, под чужим небом, истощенные и бледные, собрались они в полуразрушенной землянке, чтобы пить. Они пьют и поют, «поют сквозь слезы». После этой внешней характеристики поэт переходит к раскрытию внутреннего мира армян. Какая глубокая правдивость в обрисовке духовного мира этих несчастных людей, ищущих в забвении спасения от кошмаров и страданий!

И пьют и поют, чтоб забыть в опьяненье
о прошлом, о том, что их ждет впереди,—
вино им дает хоть на время забвенье,—
и боль утихает в разбитой груди.

Шумит в голове, все покрылось туманом,
исчезнул отчизны страдальческий лик;
к ее сыновьям в омрачении пьяном
уже не доходит о помощи крик.
(Пер. М. Зенкевича)

Образы армян у Яворова — глубоко трагичны. Драматизм их усиливается, когда всплывают горестные воспоминания, воскресает в памяти разгромленная родина, священный образ родного дома, объятого пламенем. С глубоким волнением рисует Яворов горячий патриотизм беженцев, не теряющих надежды на спасение родины.

Однако герои Яворова не только мученики. Поэт подчиняет все языковые и стилистические приемы главной цели — правдивой характеристике внутреннего мира героев. Родина в огне, слышен душераздирающий стон, но изгнанники далеки и бессильны, они не в состоянии протянуть руку помощи своим близким. Это чувство бессилия перерастает в неопикуемый гнев к врагу, в могучий протест против деспотизма, и бушующая ярость врывается в их гневную и грозную песню.

Сердца угнетенных наполнены гневом,
пылают их головы, лица в слезах.
(Пер. М. Зенкевича)

В пятой строке этой трагической поэмы голосу изгнанников — армян вторит метель. Это сравнение использовано автором с большим мастерством и ему, бесспорно, удалось художественно отобразить революционные настроения армян.

И зимняя буря, их пению вторя,
бушует, и воет, и дико ревет,
и вихрем бунтарскую песню в просторе
далеко по белому свету несет.
(Пер. М. Зенкевича)

Абстрагируясь от конкретного исторического события — личного знакомства с армянами, — Яворов дошел до больших и вдохновенных обобщений. Пусть тираны бряцают оружием — бунтарская песня облетит весь мир.

В самой сущности этого изумительного стихотворения — вера убежденного Яворова в жизнестойкость армянского народа.

«Армяне» впервые опубликованы в софийском литературном журнале «Мысль» в сдвоенном (3—4) апрельском номере за 1900 год. Стихотворение сразу же обратило на себя внимание литературных кругов. Крупнейшие писатели и критики провозгласили «Армян» монументальным произведением не только в творчестве Яворова, но и во всей болгарской литературе. В этой связи в майском номере софийского журнала «Звезда» (за тот же 1900 год) выступил известный литературовед С. Маринопольский. ««Армяне» Яворова, — пишет он, — одно из прекрас-

нейших украшений «Мысли». Нет сейчас в Болгарии такого поэта, который смог бы так захватить душу читателя, как Яворов».

Автор общеизвестного романа «Под игом» Ив. Вазов также был восхищен глубокой идейностью, стройностью композиции этого стихотворения и особенно — звучанием поэтического слова. Он считал, что это произведение в самой своей сущности «перекликается с глубоким горем несчастного, мученического народа и написано безупречным амфибрахией».

Интерес к стихотворению «Армяне» не ограничивается литературными кругами. Это произведение оказало могучее воздействие на общественно-политическую жизнь народов, принимавших участие в национально-освободительной борьбе.

Яворов был членом Внутренней Македонской революционной организации. Македонцы неоднократно публиковали «Армян» в своей революционной печати, будучи уверены, что заражающая сила этого стихотворения направит на новые подвиги борцов против турецкой деспотии. Характерно также, что в дальнейшем, во втором номере «Революционного листка», редакция поместила «Армян» Яворова вместо передовицы.

Очевидной была захватывающая сила этого стихотворения. Оно распространялось с молниеносной быстротой и сразу же приобрело широкую популярность. Вместе с тем по всей стране прокатилась волна выражения солидарности, помощи и симпатии к армянам. Несмотря на то, что 1897—1899 годы в Болгарии были неурожайными, гостеприимный болгарский народ с распростертыми объятиями принял армян-беженцев.

Здесь уместно вспомнить признание талантливого болгарского писателя Стиляна Чилингирова о приеме, оказанном Яворовым армянам. «Скромной была наша помощь, но и при желании мы не могли дать большего. Не могли вернуть имущество богатому, ибо сами были бедны. Не могли предложить бедному обеспечения, ибо сами мечтали об обеспеченной жизни. Но хлеба мы дали всем. Болгары уступили свое страдальцу-армянину» («Поход», София, 27 апреля 1941 г.).

Армянский народ никогда не забудет этого отношения благородного болгарского народа, спасшего тысячи жизней. Следующие за «Армянами» годы, когда Яворов уже переселился в Софию, были самыми тяжелыми в творческой биографии поэта. Великий патриот мучительно переживал подавление ряда крестьянских восстаний в родной стране. Царствующая несправедливость еще более обострила духовный кризис поэта. Из состояния идейного и духовного кризиса его выводит выдающийся руководитель македонского освободительного движения Гоце Дельчев. В 1902, а затем и в 1903 годах в составе отряда повстанцев Яворов переходит в Македонию и с оружием в руках героически сражается против османских захватчиков. В эти годы он редактирует нелегальные газеты «Дело» и «Свобода или смерть», направленные против деспотии Гаида

и национально-шовинистической политики болгарского двора. При подавлении известного в истории Илинденского восстания Яворову чудом удается спастись. В лирике Яворова этого периода заметны настроения скорби и тоски. В дальнейшем, в сборнике «Бессонные ночи» Яворов отдает дань символизму.

Творческая судьба великого поэта беспокоила германских представителей литературоведения. В 1905 г. в журнале «Мысль» впервые пишет об этом И. С. Андрейчин. В статье «Наша современная литература», проанализировав проблематику творчества Вазова, Славейкова и Михайловского, Андрейчин останавливается на поэзии Яворова. Автор статьи отмечает, что певец социальных явлений ныне склоняется к культу своего «я». И «если Яворов сумеет понять, почему сильны и художественны стихотворения типа «Армяне», то в нашей поэзии он займет такое место, которое вряд ли кто сможет у него оспаривать».

Вот почему так велика роль «Армян» в творчестве Яворова, так широко признание этого произведения в болгарской литературе.

Мы не знаем пока, откликнулся ли Яворов на предостережение Андрейчина. Мы можем сказать только, что «Армяне» остались прекраснейшим поэтическим произведением не только в последующем творчестве Яворова, но и во всей болгарской поэзии.

«Армяне» вдохновили известного болгарского композитора Павла Стефанова и он написал на эти слова музыку, стихотворение стало песней. Весной 1941 г. знаменитый софийский хор «Гусла» исполнил ее с большим мастерством. Песня «Армяне» передавалась по радио.

Существует более восьми различных переводов стихотворения «Армяне» на армянский язык¹. Факт этот красноречиво сам говорит о себе. Переводы эти неоднократно перепечатывались в армянской прессе. Только за последние несколько лет в советской армянской печати опубликованы четыре новых перевода. Недавно еще один перевод исполнен поэтессой С. Капутикян.

Более шести десятилетий прошло со дня опубликования «Армян», однако и сегодня оно остается лучшим выражением братских чувств армянского и болгарского народов, золотым звеном в цепи, объединяющей два дружественных народа.

1а. Перевод С. Хиндяна, «Ширак», Константинополь, 1909.

б. Свободный перевод в еженедельнике «Айастан», София, 1915, 18 апреля, № 10.

в. Перевод С. Хиндяна в журнале «Шант», Константинополь, 1918, 16 ноября, № 1.

г. Альманах «Аменун тарецуйц», год изд. XX, Венеция, 1926, стр. 312—313.

д. Перевод Гранта Граана, «Гракан терт», Ереван, 1947, 1 мая.

е. Перевод Месия Эскиджян, журнал «Советакан Айастан», Ереван, 1956, № 8, стр. 30.

ж. Перевод П. Микаеляна, журнал «Советакан граканутюн», Ереван, 1958, № 1, стр. 84—85.

з. Перевод Амо Сагяна, газета «Советакан Айастан», Ереван, 1958, 14 января, № 11 (11233).

Ниже мы приводим текст стихотворения «Армяне» в оригинале на болгарском языке, на русском языке в переводе М. Зенкевича; на армянском языке в переводе С. Капутикян. Перевод С. Капутикян публикуется впервые.

АРМЕНЦИ

Изгнаници клетки, отломка нищожна
от винаги храбър народ мъченик,
дечица на майка робиня тревожна
и жертви на подвиг чутовно велик —
далеч от родина, в край чужди събрани,
изпити и бледни, в порутен бордей,
те пият, а тънат сърцата им в рани,
и пеят, тъй както през сълзи се пей.

Те пият... В пиянство щат лесно забрави
предишни неволи и днешни беди,
в кипящето вино щат спомен удави,
заспа-ще дух бодър в разбити гърди;
глава ще натегне, от нея тогава
исчезна-ще майчин страдалчески лик,
и няма да чуват, в пияна забрава,
за помощ синовна всегдашния клик.

Кат гонено стадо от някой звяр гладен,
разпръснати ей ги навсякъде веч —
тирании беснеещ, кръвник беспощаден
върху им издигна за всякога меч;
оставили в кърви нещастна родина,
оставили в пламък и бащин си кът,
немили-недраги в далечна чужбина,
един — в механата! — открит им е път.

Те пеят... И дива е тяхната песен,
че рани разяждат ранени сърца,
че злоба ги дави в кипежа си бесен
и сълзи изтиска на бледни лица...
Че злъчка препълня сърца угнетени,
че огън в главите разсъдък суши,
че мълния свети в очи накървени,
че мъст, мъст кръвнишка жадуват души.

А зимната буря им сякаш приглася,
бучи и завива страхотно в нощта
и вихром подема, издига, разнася
бунтовната песен широко в света.
И все по-зловещо небето тъмнее,
и все по-се мръщи студената нощ,
и все по-горещо дружината пее,
и буря приглася с нечувана мощ...

Те пият и пеят... Отломка нищожна
от винаги храбър народ мъченик,
дечица на майка робиня тревожна
и жертви на подвиг чутовно велик —
далеч от родина, и боси и голи,
в край чужди събрани, в порутен бордей,
те пият — пиянство забравя неволн,
и пеят, тъй както през сълзи се пей!

А Р М Я Н Е

Изгнанники, жалкий обломок ничтожный
народа, который все муки постиг,
и дети отчизны, рабыни тревожной,
чей жертвенный подвиг безмерно велик, —
в краю, им чужом, от родного далеко,
в землянке, худые и бледные, пьют,
а сердце у каждого ноет жестоко;
поют они так, как сквозь слезы поют.

И пьют и поют, чтоб забыть в опьяненье
о прошлом, о том, что их ждет впереди, —
вино им дает хоть на время забвенье,
и боль утихает в разбитой груди.
Шумит в голове, все покрылось туманом,
исчезнул отчизны страдальческий лик;
к ее сыновьям, в омрачении пьяном,
уже не доходит о помощи крик.

Как зверем голодным гонимое стадо,
рассеялись всюду в краю, им чужом, —
тиран-кровопийца, разя без пощады,
им всем угрожает кровавым мечом.
Родимый им край превратился в пустыню,
сожжен и разрушен отеческий кров,
и, беженцы, бродят они по чужбине, —
один лишь кабак приютить их готов!

Поют они... Льется их буйная песня,
а будто бы кровью исходят сердца,
и давит их ярость, им душно и тесно.
а слезы текут и текут без конца.
Сердца угнетенных наполнены гневом,
пылают их головы, лица в слезах,
и льется их песня широким напевом,
и молнии мести сверкают в глазах.

И зимняя буря, их пению вторя,
бушует, и воет, и дико ревет,
и вихрем бунтарскую песню в просторе
далеко по белому свету несет.
Зловещее небо насунилось мгlistей,
и все холоднее студеная ночь,
а песня все пламенней, все голосистей.
И буря ревет, голосит во всю мочь...

И пьют... и поют... То обломок ничтожный
народа, который все муки постиг,
то дети отчизны, рабыни тревожной,
чей жертвенный подвиг безмерно велик.
Босые и рваные, в тяжкой разлуке
с отчизной далекой, вино они пьют,
стремясь позабыть все несчастья и муки.—
поют они так, как сквозь слезы поют!

ՀԱՅԵՐԸ

Նրանք խղճալի վտարանդիներ, աննշան բեկոր
Դարերով խիզախ, այլև մարտիրոս մի ժողովրդի.
Նրանք զավակներ և անվերջ ահաբեկ, շղթայված մի մոր,
Սխալի զոհեր մե՛ծ, աշխարհապանծ մի գոտեմարտի.
Հայրենի հողից հեռո՛ւ, հալածվա՛ծ՝ օտար երկնի տակ
Հյուծված ու գունաա՛հ հավաքված այստեղ, այս գորշ տնակում
Խմում են, ու լուռ նվզում է ցավից սրտի վերքը տաք,
Ու երգում են խուլ, ինչպես արցունքի միջից են երգում:

Խմում են նրանք... Գինարբուքի մեջ գուցե հեշտ լինի
Մոռանալ անցյալ գերությունները, ցավերն այսօրվա.
Տանջող հուշերը իր փրփուրի մեջ կխեղդի՛ գինին,
Ջարդված կրծքի տակ կնիրհի հոգին, հանգած կթվա:
Եվ այնժամ թմրած ուղեղի միջից զանդաղ կանհետի
Հայրենի երկրի—նահատակ այդ մոր դեմքը արնաքամ.
Եվ ինքնամոռաց արբեցության մեջ նրանք շնն լսի
Որդոցը անվերջ օգնության կանչող ձայնը մայրական:

Ինչպես սովահար վայրի գազանից հալածված մի հոտ
Նրանք ցրվել են աշխարհի վրա, աշխարհից-աշխարհ.
Եվ բռնակալը՝ մահվան ծարավի, արյունի կարոտ
Մերկացած սուրը նրանց աչքի դեմ շողացնում է հար:
Իսկ հեռվում, հեռվում՝ ավերակ դարձած մի հեզ հայրենիք,
Հեռվում՝ հրդեհի բոցերում կորած տունը հայրական.
Օտարության մեջ, օտար դոներին՝ նրանք խորթ որդիք,
Բաց է նրանց դեմ լոկ գինետունը և անհայտ ճամբան:

Երգո՛ւմ են նրանք... Ու նրանց երգը ահեղ է, վայրի՛.
Քանզի խոցվում են ոխից վիրավոր սրտերը նրանց,
Քանզի խեղդում է նրանց զայրույթի ծուխը կատաղի,
Ավ արցունքները ժլատ քամվում են դեմքի վրա.
Քանզի մաղձով լցվում սրտերը՝ սիրո փոխարեն,
Քանզի ուղեղում բանականության լույսն է մթազնում.
Քանզի աչքերում շանթեր կան ցասման ու քանզի նորեն
Հոգիների մեջ արյան վրե՛ժն է խելահեղ հառնում:

Իսկ ձմռան բուրբ ասես ձայնակցում, կրկնում է նրանց,
Խառնված երգին՝ ոռնում, հեռո՛ւմ է գիշերվա մթնում,
Ու մրրիկի պես բարձրացնում է վեր, տարածում անասնձ
Ապստամբ երգը տանում, աշխարհի շորս կողմն է տանում:

Ծվ հետզհետե մութն առավել է երկինքը ներկում,
Ծվ հետզհետե գիշերն առավել դառնում է մութոտ,
Ծվ հետզհետե խումբն առավել է կրակված երգում,
Ծվ ձայնակցում է խենթ փոթորիկը առավել ուժով:

Նրանք խղճալի վտարանդիներ, աննշան բեկոր՝
Դարերով խիզախ, այլ և մարտիրոս մի ժողովրդի,
Նրանց զավակներ՝ անվերջ ահաբեկ, շղթայված մի մոր,
Սխրալի զոհեր՝ մեծ աշխարհապանծ մի գոտեմարտի.
Հայրենի հողից հեռու, հալածված՝ օտար երկնի տակ
Հյուծված ու գունատ՝ հավաքված այստեղ, այս գորշ տնակում
Խմում են, ու լուռ թմրում է գինուց սրտի վերքը տաք,
Ու երգում է խուլ, ինչպես արցունքի միջից են երգում...